

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

С.В. КИСИН

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I И ЕГО ЭПОХА

Донкихот самодержавия
1825—1855 гг.

Новейшие исследования по истории России

Сергей Кисин

**Император Николай I и его
эпоха. Донкихот самодержавия**

«Центрполиграф»

2020

УДК 94(47)081
ББК 63.3(2)47

Кисин С. В.

Император Николай I и его эпоха. Донкихот самодержавия
/ С. В. Кисин — «Центрполиграф», 2020 — (Новейшие
исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-08953-3

В дореволюционных либеральных, а затем и в советских стереотипах император Николай I представлялся исключительно как душитель свободы, грубый солдафон «Николай Палкин», «жандарм Европы», гонитель декабристов, польских патриотов, вольнодумцев и Пушкина, враг технического прогресса. Многие же современники считали его чуть ли не идеальным государем, бесстрашным офицером, тонким и умелым политиком, кодификатором, реформатором, выстроившим устойчивую вертикаль власти, четко работающий бюрократический аппарат, во главе которого стоял сам Николай, работавший круглосуточно без выходных. Именно он, единственный из российских царей, с полным основанием мог о себе сказать: «Государство – это я». На большом документальном материале и свидетельствах современников автор разбирается в особенностях этой противоречивой фигуры российской истории и его эпохи. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)081
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-227-08953-3

© Кисин С. В., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Слетевшая позолота	6
«Мамаша родила огромнейшего мальчика»	11
Разворот телеги	16
Опоздавший на войну	18
Чужой среди своих	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Кисин

Император Николай I и его эпоха. Донкихот самодержавия 1825–1855 гг

Слетевшая позолота

«Золотой век Екатерины» в России угасал вместе с его главной «звездой». 67-летняя императрица дряхла на глазах. Она сильно страдала от несварения желудка, вызванного частыми «ассамблеями», головных болей, частых колик, обострившегося ревматизма. Пышная и в молодые годы женщина сильно располнела от водянки, с трудом карабкалась по дворцовым лестницам. Для облегчения сей деликатной проблемы ее подданные у себя даже специально сооружали пологие подмостки вместо ступенек. Усталая женщина, изо всех сил поддерживающая миф о собственной красоте и популярности у мужчин, уже не могла тянуть государственный воз. После смерти в 1791 году своего верного паладина светлейшего князя Григория Потемкина-Таврического, давно уже перекочевавшего из алькова государыни просто в «соратники», ей уже невыносимо было играть главную скрипку в «европейском оркестре». Она жаловалась всем, что светлейший своей смертью сыграл с ней «злую шутку». «Теперь вся тяжесть правления лежит на мне. Ну, как же быть? Надо действовать. Ах, Боже мой! Опять нужно приняться и все самой делать».

Один за другим уходили верные ей «птенцы гнезда Екатерины» – морганатический супруг Потемкин, возведшие ее на престол братья Григорий и Федор Орловы, воспитатель наследника граф Никита Панин, канцлер Михаил Воронцов, личный секретарь Иван Бецкой, громивший турок при Чесме адмирал Григорий Спиридов, герой взятия Очакова Иван Меллер-Закомельский и др.

Уже давно лежали в могиле ее прославленные корреспонденты – французские философы и ученые Вольтер, Дени Дидро, Жан Лерон Д’Аламбер, Жорж-Луи де Бюф-фон.

Сошли в Тартар и вечные соперники прусский король Фридрих Великий, австрийский император Иосиф II, последний поистине выдающийся шведский король Густав III, не перенесший падения могучей крепости Очаков многолетний враг турецкий султан Абдул-Хамид I, не сносивший буйной головы в буйном Париже французский король Людовик XVI.

Екатерина оставалась последняя в этом веке, кто мог смело называть себя его «лицом», определявшим мировую политику своей волей и властью, опиравшуюся на могучую армию, флот и «государево слово», без которого «ни одна пушка в Европе не выстрелит».

Однако победившая во всех войнах, в которых участвовала за весь 34-летний период правления Екатерины, империя угасала вместе со своей властительницей. Кроме куривших фамилам «фелице» и «северной Семирамиде» отечественных пиитов, были и трезвые голоса в России, такие как Александр Радищев («бунтовщик, похуже Пугачева»), Николай Новиков и др. «Наше все» Александр Пушкин, родившийся лишь несколькими годами позже ее смерти, писал: *«Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать – значит знать слабость души человеческой и ею воспользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великоление ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Произвели слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное*

соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве... Но со временем История оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки в ее политической экономике, ничтожность в законодательстве, отвратительное флигельство в сношениях с философами ее столетия, – и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России... Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Одобренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники времени с жадностию пользовались кратким его царствованием. От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно... Таким образом развратная государыня развратила свое государство».

Женевец Карл Массон в своих «Секретных записках о России» писал, что конец царствования императрицы «в особенности был бедственен для народа и Империи. Все пружины управления были испорчены: всякий генерал, всякий губернатор, всякий начальник департамента сделался в своей области деспотом. Чины, правосудие, безнаказанность продавались с публичного торга. До 20 олигархов под предводительством фаворита разделили Россию, грабили или позволяли грабить финансы и состязались в грабительстве несчастных».

Не правда ли, что-то очень напоминает вечную проблему российской власти всех времен и правителей?

Вокруг трона, пользуясь известной женской слабостью государыни, ошивалась целая плеяда проницательных куртизанов, прокладываявших себе путь наверх через альковные подвиги. Среди них наряду с действительно выдающимися личностями («великий циклоп» Потемкин, Орлов, будущие полководцы Алексей Ермолов и Михаил Милорадович) были откровенные проходимцы вроде Александра Дмитриева-Мамонова, Александра Ланского, Семена Зорича, Петра Завадовского, Александра Васильчикова. Даже любимый внук императрицы Александр, которому бабушка вполне серьезно предполагала передать бразды правления, в письме своему близкому другу Виктору Кочубею заметил, что многих из них «не желал бы иметь у себя и лакеями».

Последний из фаворитов Платон Зубов, продвинутый «за ширму» императрицы графом Николаем Салтыковым (его предшественников обычно приводил сам «морганатический» Потемкин), носил обиходное прозвище «дуралеюшка», лебезил перед бабушкой, разыгрывая перед мечтающей быть обманутой государыней пылкого влюбленного, и гонял царедворцев, вынужденных с улыбкой терпеть проказы его любимой обезьяны, прыгавшей по их головам во время приемов во внутренних покоях дворца. В 22 года поручик гвардии после жаркой ночи сразу же стал полковником гвардии и флигель-адъютантом, обнаружив в ящике своего стола 100 тысяч рублей золотом и 25 тысяч ассигнациями с профилем «императрицы Фике». На вопрос пробир-фрейлины Анны Протасовой (отвечала за «качество» претендентов после «трехнощного испытания») «Ну, как?» «северная Семирамида» мудро заметила, что «мужчины в двадцать лет занимаются любовью более страстно, однако в тридцать – гораздо лучше».

По утрам новому любимцу заваривал кофе «особливым образом» герой взятия Измаила 50-летний генерал-поручик Михаил Кутузов, который, нимало не смущаясь лакейскими функциями, в узком кругу любил повторять, что «все приходит вовремя для того, кто умеет ждать».

Фавориты, не желая осложнять себе жизнь и убаюкать свою властительницу, последние годы просто скрывали от Екатерины истинное положение вещей в государстве, выключивая подарки, поместья и крепостных. Некоторыми исследователями подсчитан общий размер подарков государыни десятку главных своих «милых дружков» – 92,5 миллиона рублей, больше годового бюджета империи.

По меткому замечанию Якова Барскова, «ложь была главным орудием царицы; всю жизнь, с раннего детства до глубокой старости, она пользовалась этим орудием, владея им как

виртуоз, и обманывала родителей, гувернантку, мужа, любовников, подданных, иностранцев, современников и потомков».

Впрочем, фавориты никогда не определяли вместо нее политику государства и даже не пытались «поручить» Россией, этого она никому не позволяла – рулили только в алькове.

Страну Екатерина держала в руках всегда и вела со всеми перегибами и глупостями к просвещению и процветанию в собственном понимании этого.

В период правления «Фике» территория России значительно увеличилась. Из 50 губерний 11 были приобретены в годы ее царствования. Население выросло с 19 до 37,4 миллиона человек (треть в Нечерноземье, треть – на западе и юго-западе, всего миллион в Сибири). Государственные доходы – с 16 до 68 миллионов рублей. При этом среднестатистический житель империи тратил на покупки всего 17 копеек в год (Екатерина поражала иностранцев неожиданно для самой себя придуманными данными о том, что у каждого ее «крестьянина ежедневно в супе курица, а у некоторых – индейка»). Были построены 144 новых города, издано более 200 законодательных актов. К концу века страна выплавляла 155 тысяч тонн чугуна – больше, чем Англия. В Россию хлынул поток переселенцев из Европы. Был даже сумасшедший проект императрицы заселить безлюдную Новороссию английскими каторжниками, отменили – и ими заселили Австралию.

По состоянию на 1795–1796 годы, в империи из 37,4 миллиона населения насчитывалось порядка 400 тысяч душ дворянского сословия. В среднем на каждого приходилось 100–150 крепостных душ обоего пола, что составляло 400–500 рублей годового оброка.

Общее количество чиновничества составляло 15–16 тысяч человек (из них около 4 тысяч с I по VIII классы, гарантировавшие потомственное дворянство), 215 тысяч – духовенство. В армии числилось порядка 500 генералов и 14–15 тысяч офицеров. Из 100 жителей лишь 6 жили в городах.

Почти вдвое увеличилась армия, количество кораблей российского флота выросло с 20 до 67 линейных кораблей, не считая других судов. Армией и флотом было одержано 78 блестящих побед, упрочивших международный авторитет России. По мнению одного из современников, «слова „Россия“ и „русские“ произносились с большим уважением прежде всего императрицей, всю жизнь стремившейся доказать исключительность народа, которым она руководила волею судьбы». По меткому замечанию князя Петра Вяземского, «как странна наша участь. Русский (Петр I. – *Авт.*) силился сделать из нас немцев; немка хотела переделать нас в русских».

Настоящих «русских» в пику пруссофильски настроенному сыну Павлу она хотела сделать из своих внуков, властно отобрав у него старших сыновей Александра и Константина и воспитывая по собственному разумению. В первом она вообще видела продолжателя своих дел, второго после предполагаемого взятия Стамбула мечтала поставить во главе возрожденной Византийской империи (одно имя парня чего стоило). Сына она ни в грош не ставила. Павел это понимал и не смел перечить, затворившись в своем Гатчинском дворце.

Последние месяцы жизни Екатерина занималась устройством брака 13-летней великой княжны Александры Павловны и 17-летнего короля Швеции Густава IV Адольфа. Регент, его дядя Карл Зюдерманландский, настаивал на женитьбе на принцессе Луизе-Шарлотте Мекленбург-Шверинской, но в Европе Екатерина решала, кому идти под венец. Этим браком она навсегда избавляла столицу от проблем со Швецией. Русские пушки были более веским аргументом, чем чары прелестной Луизы, и обручение с немкой расстроилось.

В августе дядя с племянником инкогнито прибыли в Петербург «смотреть товар». Их принимал по высшему разряду весь высший столичный свет, закатывая пиры и балы. Однако те в первую очередь смотрины начали с самой императрицы, состояние здоровья которой стало решающим фактором в срыве альянса. На этот случай у скандинавов уже была запланирована «домашняя заготовка». В день помолвки 10 сентября король неожиданно «вспомнил»,

что княжна православная, и категорически отказался жениться на еретичке, потребовав смены веры. В России же всегда все было наоборот: веру меняли те, кто входит в императорскую семью. В Стокгольме это прекрасно знали.

Такой реприманд от сопливого величества сильно ударил по нервам императрицы, всегда до этого утверждавшей, что «всякий русский в глубине души не любит ни одного иностранца». Незадолго до этого она узрела на небе комету, заметив генерал-губернатору Петербурга Николаю Архарову: «Вот вестница скорой смерти моей». Расстройство помолвки кометой пришлось по состоянию здоровья Екатерины, пережившей первый апоплексический удар (инсульт).

Едва отойдя от удара, 16 сентября императрица призвала к себе внука Александра и прямо объявила ему о желании, чтобы тот стал наследником, передав документы, необходимые для объявления его своим преемником по еще петровскому указу о престолонаследии (она сознательно распространяла слухи о том, что якобы родила сына Павла не от мужа, а от графа Сергея Салтыкова, дабы отстранить его от престола). Наследника она напутствовала: «Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не веряясь им без разбора; отыскивайте истинное достоинство, хоть бы оно было на краю света: по большей части оно скромно и прячется где-нибудь в отдалении. Доблесть не лезет из толпы, не жадничает, не суетится и позволяет забывать о себе».

Это был шанс. Без всякого традиционного для России государственного переворота, по петровскому закону о престолонаследии Екатерина вольна была передавать престол кому угодно, в том числе и внуку.

Однако тот струхнул и уже на следующий день вместе с братом тайно от всех присягнул на верность «папеньке», фактически предав бабку, которую письменно заверил в своей согласии с ее волей. Жить ей оставалось считанные дни, можно было и пренебречь честным словом «высочества».

Естественно, это не укрылось от императрицы, горько заметившей, что в России все под секретом, но нет никаких тайн. 18 сентября с ней случился повторный удар, более легкий, чем предыдущий, который она перенесла на ногах, открыв только самым близким, кому еще могла доверять.

2 ноября Екатерина последний раз вышла в «большой свет». На большом парадном обеде все отметили ее нездоровый вид и явное переутомление (последствие микроинсульта). Вечером 4 ноября выйти в «свет» она уже не рискнула – собрала у себя в Эрмитаже «интимный кружок»: забавник-«дуралеюшка», кофейных дел мастер Кутузов, шут Лев Нарышкин, фрейлины. Потешали они ее от души, так что у матушки «от смеха поднялась колика», и она удалилась почивать ранее обычного. Выпила лишь рюмку мадеры, откусав яблок и вишен. Все заметили, что из-за водянки ноги государыни распухли, открылись раны (как и в последние дни жизни у покойной императрицы Елизаветы Петровны), ступала она тяжело, подолгу останавливаясь и отдыхая. Ретивое расшалилось.

Утром, откусав кофею (по утрам сама себе варила), быстро перебрав бумаги и перекинувшись несколькими ничего не значащими фразами с «дуралеюшкой», Екатерина вдруг резко поднялась и, попросив секретаря ее подождать, проковыляла в клозет. Время шло, императрица не появлялась. Встревожились и находившиеся тут камер-юнгфера (горничная) Мария Перекусихина и камердинер Захар Зотов. Секретарь не рискнул ее побеспокоить, лакеи тоже, Зубов сам решил робко постучаться в дверь. Государыня распласталась на полу – ее настиг третий удар. Великий Пушкин уточнил диагноз:

Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла

И умерла, садясь на судно.

В величайшем волнении (Зубов знал, чем ему это грозит) ее перенесли на диван, но в сознание она не приходила. Лейб-медики отворяли кровь, ставили пиявки на затылок, растирали виски вином – бесполезно, императрица отходила. Духовенство без толку протирало ряссы в соседней комнате, Екатерине не становилось лучше, и последнего причастия получить ей не удалось. Агония длилась более суток. 6 ноября 1796 года в 9 часов 45 минут лейб-медик Самюэль Роджерсон констатировал факт смерти последнего великого правителя великого века.

Примчавшийся во дворец ее годами унижаемый всеми подряд сын Павел Петрович на пороге дверей лихо развернулся на каблуках направо кругом, нахлобучил на уши огромную шляпу, сотворил экзерцицию палкой по всем правилам – правою рукою, на кррраул. Прохрипел, зло глядя на присутствующих:

– Я ваш государь! Попа сюда!

История империи тоже разворачивалась на каблуках вместе с новым государем. С точностью до наоборот. В первую очередь – «разжаловать» 230 из 610 городов, вернуть из ссылки всех «екатерининских» изгнанников, выгнать всех ее фаворитов, восстановить масонские ложи, сделать все для того, чтобы было «не так, как у маменьки».

Тем временем в Гатчинском дворце нового государя уже вовсю сучил ножками карапуз, от роду которому было всего 4 месяца.

«Мамаша родила огромнейшего мальчика»

Третий сын Павла I, нареченный необычным для русских самодержцев именем Николай, родился 25 июня 1796 года, девятым по счету у своих плодоносных родителей (позже, в 1798 году, родился только брат Михаил). Августейшая супруга Мария Федоровна (урожденная София-Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская) исправно, словно по артикулу, рожала здоровых младенцев через известные промежутки. Как автомат: два сына – шесть дочерей – два сына. Обычно присутствующая при родах невестки императрица на этот раз плохо себя чувствовала (да и терпеть она не могла вюртемберженку и ее многочисленных родственников) и пришла чуть позже, когда счастливый отец уже заказывал парадный обед на 64 куверта.

Со своей стороны радостная бабушка также явила подданным милости – пожаловала погоревшим крестьянам дворцовой деревни Панок по 25 рублей на каждый двор (всего 1450 рублей) и освободила от наказания нескольких купчин, пойманных за продажей книг, которые оказались запрещенными.

Екатерина в письме барону Фридриху Мельхиору Гриму отмечала: «Мамаша родила огромнейшего мальчика. Голос у него – бас, и кричит он удивительно; длиной он аршин без двух вершков (62 см. – *Авт.*), а руки немного поменьше моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря. Ежели он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом».

Лично недомогавшая императрица не смогла крестить внука, но на крестинах в Придворной церкви Царского Села присутствовала на хорах. Крестными стали тезки – старший брат Александр (будущий император России) и старшая сестра Александра (несостоявшаяся королева Швеции).

Первых двух внуков Александра и Константина бабушка Екатерина Великая после рождения сразу забрала к себе, не доверяя их воспитание нелюбимому сыну (которого у нее в свое время тоже забрала бабушка Елизавета Петровна) и весьма своенравной «мамаше». Дочки были предоставлены заботам гатчинцев. Собиралась забрать и третьего, который уже при рождении произвел на нее неизгладимое впечатление, но не успела довести до ума «колосса». Лишь выбрала ему прекрасную няньку – взятую у генеральши Чичериной шотландку Евгению Лайон («няня-львица», как называл ее сам Николай), которая была с ним первые семь лет жизни. Ночью за басистым младенцем приглядывали бойкие фрейлины Синицына и Панаева.

Кстати, именно няня, которая в 1794 году во время восстания Тадеуша Костюшко находилась в семимесячной осаде повстанцами в Варшаве, привила воспитаннику неприязнь к полякам, рассказывая ему об ужасах и жестокостях антирусской резни первых дней бунта.

Первые месяцы по понятным причинам младенец находился в Царском Селе, близ от бабушки. Однако в день ее смерти «новая метла» распорядилась по-иному. Четырехмесячный Николай был зачислен в Конную гвардию полковником, Александр и Константин соответственно в Семеновский и Измайловский лейб-гвардейские полки, с отрывом от екатерининских воспитателей вроде «женевского гражданина» последователя философа Руссо Фредерика Сезара Лагарпа.

Так они и вошли в Историю: первые два брата «екатерининцы», Николай и Михаил – «павловцы». С различным воспитанием и мировоззрением.

Конногвардейцу тут же вручили курточку и панталоны сперва вишневого цвета, потом оранжевого и, наконец, красного, согласно различным переменам в цветах парадной формы полка. Звезду Святого Андрея Первозванного и крестик Святого Иоанна (тоже был произведен в «мальтийские рыцари») накрепко пришили к курточке, чтобы в играх не оторвал (при парадной форме – лента под курточкой). Супервест-безрукавка Святого Иоанна из золотой парчи с серебряным крестом носилась им под обыкновенной детской курточкой.

К Николаю уже по рекомендации Марии Федоровны приставили статс-даму Шарлотту Ливен и гувернантку графиню Юлию Адлерберг. Третий сын должен был оказаться избавленным от бабушкиных «глупостей».

Сам будущий император так вспоминал свое детство: «Образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей, за исключением этикета, которому тогда придавали необычайную важность. С момента рождения каждого ребенка к нему приставляли английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырех нянек или горничных, кормилицу, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев и восемь истопников. Во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга, в фижмах, в высокой прическе, напомаженную, напудренную и затянутую в корсет до удушения. Тем не менее это находили необходимым. Лишь только отец мой, при рождении Михаила, освободил этих несчастных от этой смешной пытки. Только в течение первого года дежурные дамы находились ночью при детской кровати, чередуясь между собой, – позднее они оставались лишь в течение дня – ночью же присутствовали лишь няньки с одной горничной».

Детям сразу же прививали оспу – нововведение, оставшееся от Екатерины.

Павел I искусственно отгородил старших сыновей от младших, уделяя меньшим повышенное внимание, как своей основной надежде. Великая княжна Анна Павловна (будущая королева Нидерландская) вспоминала: «Мой отец любил окружать себя своими младшими детьми и заставлял нас, Николая, Михаила и меня, являться к нему в комнату играть, пока его причесывали, в единственный свободный момент, который был у него. В особенности это случалось в последнее время его жизни. Он был нежен и так добр с нами, что мы любили ходить к нему. Он говорил, что его отдалили от его старших детей, отобрав их от него с самого рождения, но что он желает окружить себя младшими, чтобы познакомиться с ними».

Барон Модест Корф (лицеист пушкинского выпуска) писал: «Великих князей Николая и Михаила Павловичей он обыкновенно называл «мои барашки», «мои овечки», и ласкал их весьма нежно, чего никогда не делала их мать. Точно так же, в то время как императрица обходилась довольно высокомерно и холодно с лицами, находящимися при младших ее детях, строго заставляя их соблюдать в своем присутствии придворный этикет, который вообще столько любила, император совсем иначе обращался с этими лицами, значительно ослаблял в их пользу этот придворный этикет, во всех других случаях и им строго наблюдавшийся... Императрица с своей стороны, не обращая ни малейшего внимания на эти неудобства и маленькие мучения няни или гувернанток, никогда не удостоивала их ни малейшего смягчения в чопорном этикете тогдашнего времени, а так как этот этикет простирался и на членов императорской фамилии, то Николай и Михаил Павловичи в первые годы детства находились с своею августейшею матерью в отношениях церемонности и холодной учтивости и даже боязни; отношения же сердечные, и при этом самые теплые, наступили для них лишь впоследствии, в лета отрочества и юности».

Холодная вюртемберженка предпочитала противопоставить бабкиной любви к старшим царственную суровость к младшим, полагая, что именно таким образом она сможет выколлотить из них «екатерининский дух».

Искусственно подогреваемый «семейный раскол» не мог не сказаться на дальнейших отношениях в «большом гнезде» Павла, где первые два сына чувствовали себя обделенными и, как следствие, стали центром, вокруг которого и формировались все оппозиционно настроенные «екатерининские» вельможи и военные. Вторые двое, осознавая со временем, что возможности получить корону у них призрачные, предпочитали государственным интересам военные, что отдаляло их от дворцовых интриг и раскладов.

С раннего детства Николай увлекся рисованием. Сначала просил воспитателей ему что-нибудь нарисовать, раскрашивая это цветными карандашами. Потом сам начал понемногу

фантазировать – у его няни сохранились два рисунка детских лет будущего императора: на одном изображены домик и церковь, а на другом просто домик, который Коля обещал выстроить для няни.

В семилетнем возрасте живопись ему по два часа в неделю уже начали преподавать известные «исторические» художники Иван Акимов и Василий Шебуев, прославившиеся своими полотнами на патриотические темы.

Впоследствии эта страсть за ним так и следовала по всей жизни. Николай с удовольствием рисовал карикатуры, батальные сцены, лепил, брал уроки гравировки у Ореста Кипренского (сделал под его влиянием серию гравюр «Обмундирование российских войск»). Уже будучи императором, создал серию акварельных рисунков-фантазий на тему итальянской гвардии и шуточную серию карандашных рисунков, изображающую женщин в парадной кирасирской форме.

Прививать вкус ему и брату Михаилу, естественно по настоянию Марии Федоровны, поставили сурового вестфальского старика-генерала Матвея Ламздорфа, директора 1-го сухопутного кадетского корпуса. «Мамаша» считала необходимым вообще отбить у младших тягу к военным упражнениям, которыми они увлекались с младенчества. Хотя сам Павел I при назначении предупредил наставника: «Только не делайте из моих сыновей таких шалопаев, как немецкие принцы».

Какие были заслуги у Ламздорфа и почему именно его избрали в «дядьки», сложно сказать. Скорее всего, опять же в пику «екатерининцам», чем больше сечет, тем послушнее будут. По мнению барона Корфа, от его назначения «не выиграли ни Россия, ни великие князья, ни вел. кн. Николай Павлович в особенности».

Зато вестфалец нужную науку знал прекрасно – сек нещадно. По утверждению современников, «Ламздорф бесчеловечно бил великих князей линейками, ружейными шомполами и пр. Не раз случалось, что в своей ярости он хватал великого князя за грудь или воротник и ударял его об стену так, что тот почти лишался чувств. Розги были в большом употреблении, и сечение великих князей не только ни от кого не скрывалось, но и заносилось в ежедневные журналы».

Николай впоследствии дипломатично писал: «Ламздорф... не умел ни руководить нашими уроками, ни внушать нам любовь к литературе и к наукам... Бог ему судья за бедное образование, нами полученное». Еще бы – августейшей мордой об стену, как распоследнего варнака.

Заметим, что наставник не скрывал от императрицы своих чудесных педагогических методов и, очевидно, находил у нее этому полную поддержку. Настолько полную, что даже высочайше соизволила одарить сади́ста перстнем с добрым напутствием: «Продолжайте ваши заботы о Николае, ваши поистине отеческие заботы».

Жестокость вообще входила в джентльменский набор семейства Павла. Как-то, еще при жизни матушки, цесаревич перелистывал газеты, сообщавшие о бурных событиях во Франции, и заявил: «Что они все там толкуют! Я тотчас бы все прекратил пушками». На что умная Екатерина заметила сыну: «*Vous êtes une bête féroce* («Ты жестокая тварь» – *фр.*), или ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями? Если ты так будешь царствовать, то не долго продлится твое царствование».

Кадровая политики Павла во всех сферах всегда была весьма неоднозначна. Близкий к нему Федор Ростопчин писал о том, что Павел «постоянно в плохом настроении, голова полна бреднями, окружен людьми, из которых самый честный может быть колесован без суда».

Положение осложнилось тем, что добрая няня Лайон вышла замуж и покинула дворец, Адлерберг стала начальницей Смольного института благородных девиц и тоже отдалилась.

Чуть лучше дело обстояло у других преподавателей, или, как их называли при дворе, «кавалеров». Историк Фридрих Аделунг знакомил великих князей с основами немецкого, гре-

ческого и латыни. Русскую словесность преподавал профессор Дерптского университета Григорий Глинка. Свою лепту в изучение естественных наук внесли два русина из Закарпатской Руси (была тогда в составе Австро-Венгрии) – звезд с неба не хватавшие правовед и экономист Михаил Балугьянский и профессор-физик из Мукачево Василий Кукольник, преподававший юриспруденцию и польский язык. С этим было совсем плохо, влияние няни на Николая сказалось настолько глубоко, что он прекрасно владел английским, немецким, французским, с грехом пополам латынью (запретил потом преподавать ее своим детям) и древнегреческим, но ни слова не желал знать по-польски.

Сам Николай так впоследствии отзывался о своих преподавателях: «Два человека, очень добрые, может статься, и очень ученые, но оба несноснейшие педанты: Балугьянский и Кукольник. Один толковал нам на смеси всех языков, из которых не знал хорошенько ни одного, о римских, немецких и, Бог знает, каких еще законах; другой – что-то о мнимом «естественном» праве. В прибавку к ним являлся еще Шторх с своими усыпительными лекциями о политической экономии, который читал нам по своей печатной французской книжке, ничем не разнобразя этой монотонии. И что же выходило? На уроках этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда собственные их карикатурные портреты, а потом к экзаменам выучивали кое-что вдолбляжку, без плода и пользы для будущего».

Пожалуй, наиболее удачной кандидатурой стал рекомендованный Осипом Дерибасом генерал-майор Николай Ахвердов, преподававший историю, географию и математические науки. По мнению Модеста Корфа, «Ахвердов был лучшим из приставленных к великим князьям кавалеров; он более других имел основательности в своих взглядах и направлениях, а из ежегодно представлявшихся кавалерами журналов об успехах и поведении августейших воспитанников его журналы всего интереснее, заключают в себе наиболее подробностей и доказывают наблюдательность автора и его умение делать выводы из описываемых фактов. Он всеми средствами старался доставить своим воспитанникам пользу. Хотя императрица Мария Федоровна старалась отвлечь своих сыновей от излишней склонности ко всему военному, и сам Ахвердов не был, в сущности, военным человеком, однако он иногда, из желания доставить удовольствие своим воспитанникам, сам учил их строить и рисовать крепости, делал из воска бомбы и ядра, показывал, как надо нападать на гавани и защищать их; когда же воспитанники начинали барабанить, он приказывал закрывать барабаны платками, чтобы хоть несколько заглушить нестерпимые для него звуки». Да и сами дети спозаранку уже принимались за военные фортеции, командовали оловянными и фарфоровыми армиями, гоняли деревянную кавалерию, маршировали с игрушечными алебардами и трубами. Пока не пришли воспитатели и не начали из педагогических соображений лупить великих князей высочайшими лицами о государственную стену.

Общий смысл воспитания сводился в изложении самого Николая к следующему: «Граф Ламздорф умел вселить в нас одно чувство – страх, и такой страх и уверение в его всемогуществе, что лицо матушки было для нас второе в степени важности понятий. Сей порядок лишил нас совершенно счастья сыновнего доверия к родительнице, к которой допускаемы мы были редко одни, и то никогда иначе, как будто на приговор. Беспременная перемена окружающих лиц вселила в нас с младенчества привычку искать в них слабые стороны, дабы воспользоваться ими в смысле того, что по нашим желаниям нам нужно было, и должно признаться, что не без успеха». Страх и лицемерие – вот доминанты педагогики двух «павловских» малышей. Какими после этого они могли вырасти?

Как замечал самый известный исследователь царствования будущего Николая Палкина генерал-лейтенант Николай Шильдер: «Установившаяся тогда система воспитания была суровая, и телесные наказания играли в ней большую роль. Такими мерами тщетно старались обузывать и исправлять порывы строптивого и вспыльчивого характера Николая Павловича. Испытанные им в детстве педагогические приемы принесли и другие печальные плоды; они,

несомненно, повлияли на мирозерцание будущего венценосца, который впоследствии провел подобные же суровые начала в воспитание современного ему подрастающего поколения».

Иными словами, преподаватели строго блюли желания августейшей четы – младшие сыновья ни в коем случае не должны были стать заметными фигурами на политической сцене, дабы не расстраивать своих родителей. Их не готовили ни царствовать, ни умирать за трон. «Шалопает» из великих князей не получилось.

Разворот телеги

Маловероятно, чтобы Павел I смог оказать хоть сколько-нибудь заметное влияние на воспитание и мировоззрение младших сыновей. Слишком уж мало он правил, и по малолетству дети просто не успели оценить его надежд относительно них. Собственно, они его практически не запомнили и в своих воспоминаниях приводят об отце лишь отрывочные сведения. Вроде объявления войны далекой Испании и намерения сделать испанским королем обалдевшего от такого счастья украинского помещика Кастеля де ла Серду.

«Апоплексический удар» тяжелой золотой табакеркой заговорщика Николая Зубова в императорский висок 11 марта 1801 года также прошел мимо них, не оставив особого трагического следа, как это было у старших братьев, участие в перевороте которых ни у кого не вызывало сомнений. Даже у самой жертвы – не зря Павел в день убийства арестовал обоих сыновей и заставил их повторно присягнуть ему на верность. Александр вообще был в курсе заговора, но лично не желая в нем участвовать и якобы требуя, чтобы отцу сохранили жизнь (Павлу донесли). Только что вернувшийся из суворовских походов Константин тоже был в курсе (Павел знал и это), но активного участия в действиях заговорщиков не принимал. Хотя, по свидетельству очевидцев, когда в полутемной комнате императора началась свалка, и его кто лупил табакеркой, кто душил шарфом, Павел вроде бы опознал в одном из нападавших Константина, адресовав ему последние слова в своей жизни: «Ваше высочество, и вы здесь? Пощадите! Воздуху, воздуху! Что я вам сделал плохого?»

Николай вообще узнал о смерти отца едва ли не мимоходом, услышав от трехлетнего Михаила, как тот играет «в похороны папы» (тоже, вероятно, услышал обрывок разговора от взрослых), хороня игрушечного гренадера.

Для психологии пятилетнего мальчика смерть даже самого близкого человека не является столь уж определяющей трагедией, как для взрослого или даже подростка. В конце концов, рядом была строгая матушка, садисты-воспитатели, старший брат Александр, которого Мария Федоровна подвела к младшим и сказала: «Теперь ты их отец». Тот потрепал младших по щекам и заверил в своей заботе. Собственно, у них на всю жизнь сохранилось о старшем брате впечатление доброго и ласкового родственника. В личных письмах Николай его иначе, как «Ангел», не называет. С Константином у младших тоже сложились хорошие отношения, ибо и у того среди «кавалеров» в детстве значился генерал Ламздорф – товарищи по счастливому воспитанию.

Просвещенный отцеубийца, полный прогрессивных идей юности, по выражению Пушкина, «властитель слабый и лукавый» сразу же заявил о своих намерениях правления: «Батюшка скончался апоплексическим ударом, при мне все будет как при бабушке».

Российская телега вновь разворачивалась на 180 градусов. С нею разворачивалось и воспитание младших братьев, у которых наконец появляются в числе «кавалеров» военные – полковники Арсеньев, Ушаков, Маркевич и Джанотти, генерал-инженер Опперман, майор Алединский.

Николай с удовлетворением отмечал, что наконец «воспитание приняло другую методику». Допускалось их любимое военное обучение. Николай писал: «Математика, потом артиллерия и в особенности инженерная наука и тактика привлекали меня исключительно; успехи по сей части оказывал я особенные, и тогда я получил охоту служить по инженерной части».

В этот период жизни в нем закладывались основные черты будущего царствования: настойчивость, стремление повелевать, личная доброта, страсть ко всему военному, дух товарищества, вылившийся впоследствии в непоколебимую верность союзам, за что, собственно, его и называли «рыцарем».

Недостатки же окружающие просто «ломали через колено». Боявшегося грозы и фейерверков мальчика специально вытаскивали на улицу, чтобы он привыкал к шуму. Из-за этого он с ума сходил, когда начинала палить артиллерия. Как-то при этом Николай даже забился под кровать во дворце, откуда его выволок за шиворот сын Юлии Адлерберг Эдуард, бывший на несколько лет старше, но Николай так саданул приятеля прикладом маленького ружья по лбу, что у того остался шрам на всю жизнь. К артиллерии с ее грохотом у него вообще наблюдалась стойкая неприязнь – гуляя по Гатчине, он категорически отказался заглянуть в крепость, страшаясь ее пушек.

Однако «перелом через колено» возымел свое действие, и с 10 лет Николай уже сам палил из ружей, получая от этого удовольствие.

Увидев, что младшие боятся ступить на качавшийся на волнах корабль, капитан Клокачев сделал им модель 74-пушечного фрегата, объяснив назначение такелажа и хитростей морской службы. И парни обезьянами запрыгали по вантам.

Вышибание клина клином имело и обратную сторону – любое действие стало сопрягаться у Николая с непрямым насилием, ибо иначе вроде как и нельзя к нему приучить человека. По свидетельству Шильдера: «Обыкновенно весьма серьезный, необщительный и задумчивый, а в детские годы и очень застенчивый мальчик, Николай Павлович точно перерождался во время игр. Дремавшие в нем дурные задатки проявлялись тогда с неудержимой силой. В журналах кавалеров с 1802 по 1809 год постоянно встречаются жалобы на то, что «во все свои движения он вносит слишком много несдержанности», что «в своих играх он почти постоянно кончает тем, что причиняет боль себе или другим», что ему свойственна «страсть кривляться и гримасничать», наконец, в одном случае при описании его игр сказано, что «его нрав до того мало общежителен, что он предпочел остаться один и в полном бездействии, чем принять участие в играх».

Когда у него что-то не получалось или он проигрывал в детских играх, Николай не стеснялся проявлять строптивость и лезть в драку. Его детские обиды выражались в том, что он выпаливал в белый свет такую серию бранных слов (влияние военных), что «кавалеры» диву давались, рубил своим топориком барабан, игрушки, ломал их, бил палкой или чем попало товарищей по играм. Хотя и любил их. Просто так выражались у него эмоции и реакция на обучение, которое он не мыслил без насилия.

Шильдер дополнял: «Черты, проявлявшиеся у него уже с детства, за это время лишь усилились. Он сделался еще более самонадеянным, строптивым и своевольным. Желание повелевать, развившееся в нем, вызывало неоднократные жалобы со стороны воспитателей. Все эти черты при добром сердце юноши великого князя могли бы смягчаться под влиянием воспитания, проникнутого душевной теплотой, нежною ласкою, а этого-то и не доставало в этой обстановке, которая окружала Николая Павловича в его юности».

«Кавалеры» сокрушенно качали головой и записывали в журнал: «Он любопытен, внимателен к тому, что ему рассказывают, очень любознателен, но, как только ему приходится заниматься одному, его прилежание бывает крайне непродолжительно».

Мария Федоровна, как истинная немка, желала, чтобы Николай продолжил образование в Лейпцигском университете, но этому категорически воспротивился император. У Александра давно уже зрела мысль создать собственный Лицей в Царском Селе для обучения отпрысков из аристократических семей, дабы обучать их в родных пенатах. Опять же, чтобы не стали «шалопаями». Его воспитанники, по уставу, предназначались к занятию высших государственных должностей, и от них тщательно старались удалить все военное. Для самого Лицея отвели дворцовый флигель, соединенный галереей с главным корпусом дворца, и с 19 октября 1811 года от юношеских воплей уже затыкали уши отдыхавшие члены монаршей фамилии.

Так что знаменитый Лицей, овеянный романтизмом пушкинского поколения, обязан своим основанием великокняжескому недорослю.

Опоздавший на войну

С детства боявшийся грозы, Николай так и не смог попасть под «грозу двенадцатого года». Причем нельзя сказать, чтобы он на нее не рвался. Еще как – патриотические порывы для 16-летнего юнца уже были в крови, а его сверстники всю рублились при Бородине, Смоленске, Малоярославце и Березине с нашествием «двунадесяти языков». Он писал: «Мне минуло уже 16 лет, и отъезд государя в армию был для нас двоих ударом жестоким, ибо мы чувствовали сильно, что и в нас бились русские сердца и душа наша стремилась за ним! Но матушке неугодно было даровать нам сего счастья. Мы остались, но все приняло округ нас другой оборот; всякий помышлял об общем деле; и нам стало легче. Все мысли наши были в армии, ученье шло, как могло, среди беспрестанных тревог и известий из армии».

Даже оставивший на августейшем лбу отметину прикладом Эдуард Адлерберг прапорщиком лейб-гвардии Литовского полка прошел всю войну.

Патологически не любившая военных Мария Федоровна клещами вцепилась в младших, не позволяя великим князьям отбыть в действующую армию. Николай апеллировал к старшему брату, умоляя взять его на войну «в момент, когда отечество в опасности». На что император ответил весьма загадочной фразой, смысл которой отдаленно угадывается лишь в последующих событиях. По свидетельству Лакруа, император «с серьезным видом сказал ему, что время, когда ему придется стать на первую степень, быть может, наступит ранее, чем можно предвидеть его... Пока же вам предстоит выполнить другие обязанности; довершите ваше воспитание, сделайте насколько возможно достойным того положения, которое займете со временем: это будет такую службу нашему дорогому отечеству, какую должен нести наследник престола».

Сложно сказать, было ли это на самом деле, если было, то еще сложнее представить, что именно имел в виду совсем не старый Александр, вполне способный произвести потомство мужского пола. Да и Константин еще своими матримониальными вывертами не отстранил сам себя от трона. Сам же Николай в своих записках ничего не пишет о подобных откровениях императора.

А пока же он с ума сходит, как жаждет славы бранной. Он даже после известия о вступлении Наполеона в Москву поспорил на рубль с великой княжной Анной о том, что к Новому году в России и духу не останется от корсиканца и его Великой армии. Выиграл.

Но уже и после этого братьев «на войну» не пускали. Русские рублились с возрождающимся Наполеоном под Люценом, Бауценом, Лейпцигом, громили французов под Кульмом, штыками выталкивая отчаянно сопротивляющегося «брата мусье» за Рейн. А Николай с Михаилом сражались только с «кавалерами» на военных картах и «потешными» сверстниками в палисаднике.

Вырваться им удалось отнюдь не из-за того, что соединенные 900-тысячные силы союзников остро нуждались в двух недорослях, а матушка вдруг прониклась патриотическими мотивами. Решающим фактором стало то, что император Александр в Шлезвиге пообщался с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III, который успел вовремя презентовать ему дочь Фридрику-Шарлотту-Вильгельмину. Известный ловелас оценил достоинства принцессы (в первую очередь политические) и определил ее в невесты брату Николаю. На столь серьезные государственные соображения матушка уже не нашла, что возразить. «Радости нашей, лучше сказать сумасшествия, я описать не могу; мы начали жить и точно перешагнули одним разом из ребячества в свет, в жизнь», – восторгался долгожданным дозволением Николай, которому самому не терпелось уже увидеть невесту (сестра Анна написала ему о выборе императора).

Мария Федоровна считала нужным внести собственные советы обоим подросткам, впервые отправлявшимся за пределы империи. Она советовала сыновьям продолжать быть

строго религиозными, не быть легкомысленными, непоследовательными и самодовольными; полагаться в своих сомнениях и искать одобрения своего «второго отца», «достойного и уважаемого» генерала Ламздорфа (без него ни шагу); избегать возможности оскорбить кого-нибудь недостатком внимания, быть разборчивыми в выборе себе приближенных; не поддаваться своей склонности вышучивать других, быть обдуманными в своих суждениях о людях, так как из всех знаний знание людей самое трудное и требует наибольшего изучения.

Говоря об опасностях, сопряженных с войною, императрица писала: «Опасность не должна и не может удивлять вас, вы не должны избегать ее, когда честь и долг требуют от вас рисковать собою: но если, мои дети, величайшая благороднейшая храбрость должна отличать вас, то скажите себе, что она должна быть обдумана и совершенно не походить на хвастливость молодого человека, играющего своею жизнью; одним словом, я хочу, чтобы вы были храбрыми, но не безрассудными».

Однако, вероятнее всего, ни Александр, ни вдовствующая императрица не собирались испытывать храбрость князей на полях сражений. В нужном русле проинструктированный Ламздорф вез их с такою медленностью, что только до Берлина они ехали 17 дней. Именно там и была главная (что было неизвестно князьям) цель их поездки – свидание с принцессой. Не избалованный к 17 годам женским вниманием Николай, конечно же, мигом влюбился.

Конечно же, он уже пылал желанием свершения подвигов не только во имя отечества, но и во имя Прекрасной Дамы. Вскоре их обручили – нечего баловать молодых людей европейскими соблазнами.

Не пылал этим Ламздорф, который избрал максимально неудобный путь с длиннющими остановками не прямо во Францию, а в Швейцарию. И лишь только князья услышали первые выстрелы неприятельских войск, отбивавших осаду австрийцами и баварцами крепости Гюнинген, как к ним примчался запыхавшийся курьер от Александра флигель-адъютант Петр Клейнмихель (будущий военный министр у Николая) с требованием вернуться в Базель. Две недели их мариновали на курортах альпийской республики, пока казаки атамана Платова прорубали себе дорогу на Елисейские Поля. И лишь после известия о взятии Парижа и отречении Наполеона великим князьям было позволено явиться пред затуманенные порохом светлые государевы очи.

При виде смущенных братьев Александр хохотнул и похвалил их отвагу в деле столь дерзкого путешествия по тылам армии. Известный византиец. Знал ведь, что незадолго до этого отправил письмо в Петербург: «Соблаговолите, дорогая матушка, дать мне ваши приказания относительно моих братьев, и что им предстоит делать? Должны ли они воспользоваться этим случаем, чтобы путешествовать несколько по Голландии, Англии, Швейцарии, или же вам угодно будет приказать, чтобы они вернулись тотчас же? Так как г. Ламздорф находится с ними, а г. Лагарп – здесь, то было бы возможно составить план путешествия, крайне поучительного для них и которое с пользою вознаградило бы за все то, что прекращение войны заставило их потерять. В особенности путешествие по Швейцарии и Англии могло бы быть очень полезно для них. Но в отношении всего этого только одна ваша воля должна решить все. Пока же мы устроим все с Г. Ламздорфом так, чтобы они не теряли времени здесь, где есть средства продолжать свое образование по всем отраслям знаний. Г. Лагарп принесет им большую пользу своими знакомствами со всеми достойными образованными людьми. Г. Ламздорф решит и будет наблюдать за всем».

То есть смысла давать им «нюхать порох» не было, зато познакомить с будущей супругой и будущим районом политических баталий было в самый раз. Этим старший брат заложил огромную мину замедленного действия младшим. Через 13 лет она оглушительно рванула на Сенатской площади – Николая как раз никто из военных и не воспринимал всерьез из-за того, что тот «пороху не нюхавший». И именно поэтому потом тот так стремился оказаться в районе боевых действий ХОТЬ КАКОЙ-НИБУДЬ войны.

Пока курьеры скакали между столицами, Николай и Михаил изучали Париж. В первую очередь посещали военные учреждения, политехническую школу, Дом инвалидов, казармы, госпитали.

Интересный диалог у Николая завязался с одним искалеченным сержантом в Доме инвалидов.

– В каком деле вы ранены? – спросил его великий князь.

– При переправе через Березину, – отвечал инвалид. – Казаки привели меня в такой вид, как вы видите, да и я, уверяю вас, не остался у них в долгу; я упал рядом с ними в снег, они не поднялись, а я имел счастье возвратиться с отмороженными ногами. Впрочем, так и надо: что нам нужно было искать в вашей России. Дьявольская страна, защищаются без посторонней помощи, правда, в нее легкоходишь, а выйти не выйдешь, а если и выйдешь, то, как я, чтобы попасть в инвалидный дом.

Жаль, умного инвалида не слышали будущие любители повторить подвиги Карла XII и Наполеона.

В Париже произошла еще одна знаменательная встреча. Император представил Николаю генерал-лейтенанта Ивана Паскевича как «одного из лучших генералов моей армии, которого я еще не успел поблагодарить за его отличную службу».

Великий князь намек понял и приблизил к себе успешного и исполнительного полководца. Паскевич впоследствии вспоминал: «Николай Павлович после того постоянно меня звал к себе и подробно расспрашивал о последних кампаниях. Мы с разложенными картами, по целым часам, вдвоем разбирали все движения и битвы 12-го, 13-го и 14-го годов. Я часто у него обедал и когда за службою не мог у него быть, то он мне потом говорил, что я его опечалил. Этому завидовали многие и стали говорить в шутку, что он в меня влюбился. Его нельзя было не полюбить. Главная его черта, которой он меня привлек к себе, – это прямота и откровенность».

Интересно подметил старый служака. Будущий император всю жизнь страдал от того, что вокруг «жадною толпой стоящие у трона» были вруны, лизоблюды, лицемеры и шуты гороховые. Сказать же правду, какой бы она ни была, государю решались лишь единицы, за что он их ценил невероятно.

Чужой среди своих

Старший брат решил после длительного и основательного путешествия по Европе долго не держать младшего в холостяках и оженить для пущей степенности. 1 июля 1817 года под именем Александры Федоровны принцесса Шарлотта в свой день рождения стала супругой великого князя Николая. Счастливая невеста заливалась горячими слезами (жалко было перемену религии), жених был солиден, горд, хотя и несколько смущен.

Очень вовремя его оженили, ибо после Европы тот постепенно превращался в любвеобильного «шалопая». Чего так опасалась «мамаша».

«Я чувствовала себя очень, очень счастливой, когда наши руки соединились; с полным доверием отдавала я свою жизнь в руки моего Николая, и он никогда не обманул этой надежды», – писала новоиспеченная Александра Федоровна впоследствии.

Понятно желание прусской принцессы выдать желаемое за действительное. Тем более что она была в курсе, сколь ветвистые рога наставлял ей все последующие годы мужчина, которого во время досвадебной заграничной поездки английская статс-дама мистрис Кэмпбелл назвала «самым красивым мужчиной в Европе».

Ну да ладно – дела семейные. Кто из русских монархов был без этого милого греха?

Теперь 21-летний Николай был уже не мальчик, его царской мордой об стенку не долбанешь. В день свадьбы «папа Ламздорф» был возведен в графское достоинство, одарен перстнем с портретом Александра и табакеркой с портретами Павла I и Марии Федоровны с алмазной надписью: «Бог благословил их выбор» (от императора) и табакеркой, осыпанной драгоценными камнями, расположенными таким образом, что начальные буквы их французских названий составляли слово «Reconnaissance» – «Признательность» (от помнящей преданного слугаку вдовствующей императрицы). Мстительный Николай не подарил ничего. Лишь через 9 лет по случаю собственной коронации прислал доживающему век в деревне глухому старику свой портрет – любуйся, садиствующий педагог.

Долго радоваться любовным утехам император брату не позволил. После двух брачных ночей назначил его на первое реальное дело – генерал-инспектором по инженерной части и шефом лейб-гвардии Саперного батальона. В любимую новобрачным сферу деятельности. Впервые всячески удерживающего в узде принца допустили к самостоятельному командованию, где он мог наконец приложить всю свою тягу к военному делу.

Так уж исторически сложилось, что на одних поражение в войне воздействует отрезвляюще и заставляет полностью пересмотреть свои взгляды на военное искусство, мобилизует и побуждает к созиданию, более гибкому и разностороннему подходу к древнейшему в мире искусству убивать себе подобных. Побежденные извлекают уроки из поражения, учатся на своих ошибках, перестраивают тактику, перевооружают армию и идут возвращать себе утраченное уже совсем с другими взглядами на «поле битвы Земля».

Другие же, добившись тяжелой и кровавой победы, напротив, почивают на лаврах, благостно внимают лести и гложут от праздничных фанфар. Таковые начинают верить в собственный военный гений, непобедимость, совершенство, всемогущество собственного оружия и всеилие своей армии, не считаясь с изменившимися реалиями и реваншистскими намерениями побежденных. «Медные трубы» и медовый поток восторженных похвал становятся привычными, армия разлагается от отсутствия привычных испытаний и достойных соперников, воля к победе улетучивается, боевой пыл гаснет, готовность умереть за родину уступает место роскоши и сытости победителя.

В итоге некогда проигравшая сторона, к удивлению бывших триумфаторов, берет их голыми руками. Примеров этому в Истории не счесть.

«Освободитель Европы» Александр I, на которого после сокрушения русскими войсками Наполеона смотрели как на несравненного титана и устраивали пышные встречи едва ли не во всех крупных городах Старого Света, а на родине от которого ждали крутых либеральных перемен после войны, ставшей «отечественной», пошел именно по этому парадоксальному пути.

Из минувших войн были сделаны самые неправильные выводы. Разгромив самого сильного врага в мире, император решил, что теперь позициям России вообще ничего не угрожает, и можно спокойно позволить себе расслабиться, забыв о реформировании армии и обещанном еще в начале царствования освобождении крестьян (разоренные войной помещики этого бы не поняли). Самая могучая и боеспособная сила в тогдашнем мире постепенно превращалась в игрушку для плац-парадов. Боевая же подготовка армии была пущена на самотек, ибо, по мнению императора, воевать в обозримом будущем было уже не с кем – «корсиканское чудовище» отдыхало от войн на острове Святой Елены, турки присмирели, Европу стерег Священный союз трех императоров – живи и радуйся, играя «в оловянных солдатиков».

Генерал Паскевич с горечью писал: «После 1815 года фельдмаршал Барклай де Толли, который знал войну, подчиняя требованиям Аракчеева, стал требовать красоты фронта, доходящую до акробатства, преследовал старых солдат и офицеров, которые к сему способны не были, забыв, что они недавно оказывали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россию. Много генералов поддались этим требованиям; так, например, генерал Рот, командующий 3-й дивизией, который в один год разогнал всех бывших на войне офицеров, и наши георгиевские кресты пошли в отставку и очутились винными приставами. Армия не выиграла от того, что, потеряв офицеров, осталась с одними экзерцирмейстерами. Я требовал строгую дисциплину и службу, я не потакал беспорядкам и распутству, но я не дозволял акробатства с носками и коленками солдат. Я сильно преследовал жестокость и самоуправство, и хороших храбрых офицеров я оберегал. Но, к горю моему, фельдмаршал Барклай де Толли им заразился. Это экзерцирмейстерство мы переняли у Фридриха II, который от отца своего наследовал эту выучку. Хотели видеть в том секрет его побед; не понимая его гения, принимали наружное за существенное. Фридрих был рад, что принимают то, что лишнее, и, как всегда случается, еще более портят. У нас экзерцирмейстерство приняла в свои руки бездарность, а как она в большинстве, то из нее стали выходить сильные в государстве, и после того никакая война не в состоянии придать ума в обучении войск. Что сказать нам, генералам дивизий, когда фельдмаршал свою высокую фигуру нагибает до земли, чтобы равнять носки гренадеров? И какую потому глупость нельзя ожидать от армейского майора? Фридрих II этого не делал. Но кто же знал и помнил, что Фридрих делал? А Барклай де Толли был тут у всех на глазах. В год времени войну забыли, как будто ее никогда не было, и военные качества заменились экзерцирмейстерской ловкостью».

Ему вторил герой Отечественной войны лихой гусар-партизан Денис Давыдов: «Для лиц, не одаренных возвышенным взглядом, любовью к просвещению, истинным пониманием дела, военное ремесло заключается лишь в несносно-педантическом, убивающем всякую умственную деятельность парадировании. Глубокое изучение ремешков, правил вытягивания носков, равнения шеренг и выделявания ружейных приемов, коими щеголяют все наши фронтовые генералы и офицеры, признающие устав верховом непогрешимости, служат для них источником самых высоких поэтических наслаждений. Потому и ряды армии постепенно наполняются лишь грубыми невеждами, с радостью посвящающими всю свою жизнь на изучение мелочей военного устава; лишь это знание может дать право на командование различными частями войск, что приносит этим личностям значительные, незаконные, материальные выгоды, которые правительство, по-видимому, поощряет».

Это касалось не только военного министра Барклая, повальное увлечение «фрунтом», которое потом почему-то приписывали Николаю I, началось еще с его старшего брата. Сам же новоиспеченный генерал-инспектор лишь следовал генеральной линии военного руководства.

В первом же своем приказе в январе 1818 года он начертал: «По высочайшей воле государя императора вступил я 2-го числа сего января в должность генерал-инспектора по инженерной части. Давая о сем знать по инженерному корпусу, долгом поставляю подтвердить всем чинам оного, что ревностным исполнением своих обязанностей, усердием о пользе государственной и отличным поведением всякий заслужит государевы милости, а во мне найдет усердного для себя ходатая пред лицом его величества. Но в противном случае, за малейшее упущение, которое никогда и ни в каком случае прощено не будет, взыщется по всей строгости законов. От усердия и твердости господ начальников, от рвения и полного повиновения подчиненных ожидаю иметь всегдашнее удовольствие, и твердо на сие надеясь, уверяю всех и каждого, что умею ценить милость государеву, сделавшую меня начальником столь отличного корпуса. 20-го января 1818 г. генерал-инспектор по инженерной части Николай».

Как он сам писал после того, как его назначили командовать 2-й бригадой 1-й гвардейской дивизии (Измайловский и Егерский полки): «Я начал знакомиться со своей командой и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо, что я по долгу совести порочил, дозволялось везде, даже моими начальниками. Положение было самое трудное; действовать иначе было противно моей совести и долгу; но сим я явно ставил и начальников, и подчиненных против себя, тем более, что меня не знали, и многие или не понимали, или не хотели понимать».

Вот здесь и начинала сказываться пагубная стратегия «мамаши» и брата, не допустивших Николая в армию во время войны. На «не нюхавшего пороху», пусть даже это великий князь, смотрели презрительно и подобострастно и младшие по чину. Особенно в гвардейской среде, где вопросы личной доблести и лихой отваги были в чести и почете. Как мог воздействовать на покрытых ранами, седых и заслуженных воинов мальчишка-принц, толком и командовать не научившийся из-за странной прихоти домочадцев. Требовавший от ветеранов того, что написано в устарелых учебниках «времен очаковских и покорения Крыма».

Хотя и здесь как сказать: сам Николай утверждал, что офицеры до того распустились, что ездили на учения во фраках, лишь сверху накиннув шинель. «Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день». Какие претензии к «тирану»? Он что, должен был радоваться такой махновской банде?

К примеру, его приказ по 2-й бригаде 1-й гвардейской пехотной дивизии от 20 марта 1823 года: «Вчерашнего числа наряженный караул от л. – гв. Измайловского полка в концерт был дурно и неопрятно одет; таковая оплошность после всех подтверждений непростительна, за что командиру оной роты штабс-капитану Языкову делается строгий выговор и арестовывается на 24 часа домашним арестом».

Там же от 10 февраля 1824 года: «Объезжая сего числа караулы от л. – гв. Измайловского полка, заметил я многие неисправности, которые доказывают, что гг. батальонные командиры не обращают должного строгого внимания на сию часть их обязанности; подпоручик Гангеблов не знал своего дела; прапорщик Миллер предпочел сидеть в караульне, когда ему следовало выйти в ружье, отговаривался болезнью, которая в одном воображении его существовала; унтер-офицеры отдельных караулов не тверды в своей должности, тогда как неоднократно подтверждено было посылать на таковые караулы самых расторопных унтер-офицеров; в особенности я нашел одежду караулов 2-го батальона совершенно в безобразнейшем виде. Поставляя все сие на вид командующему полков полковнику Воропанову, предписываю взять строгие меры к исправлению всех сих недостатков. Полковник Веселовский не оставить строго взыскать

с прапорщика Миллера, которого предваряю, что всегдашние замечания, им заслуживаемые, принудят, наконец, начальство и к строжайшим мерам».

18 июня 1824 года: «Я встретил вчера человека, подпоручика л. – гв. Измайловского полка Козлова 2-го, который нес на полевой пикет к своему господину головную подушку; я предаю на благорассудок гг. офицеров, прилично ли, стоя на всяком карауле, и тем более в лагере, а еще и на полевом пикете, искать своего покоя; подобная нежность достойна смеха, пусть же г. подпоручик Козлов 2-й повеселит тем своих товарищей, в которых, в том надеюсь, подражателей не найдет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.